

В ГАВРИЛОВО. ПТИЧЬИ ГОРЫ

— Константинъ Павловичъ, чай пить! — разбудиль меня Григорій Ивановичъ.

— А где мы? — спросиль я, сладко потягиваясь после крепкаго, здороваго сна.

— Уже давно въ Гаврилове стоимъ!

— Что это у насъ такъ тихо? — спросиль я, удивленный темъ, что почти никого изъ команды не видно на палубе.

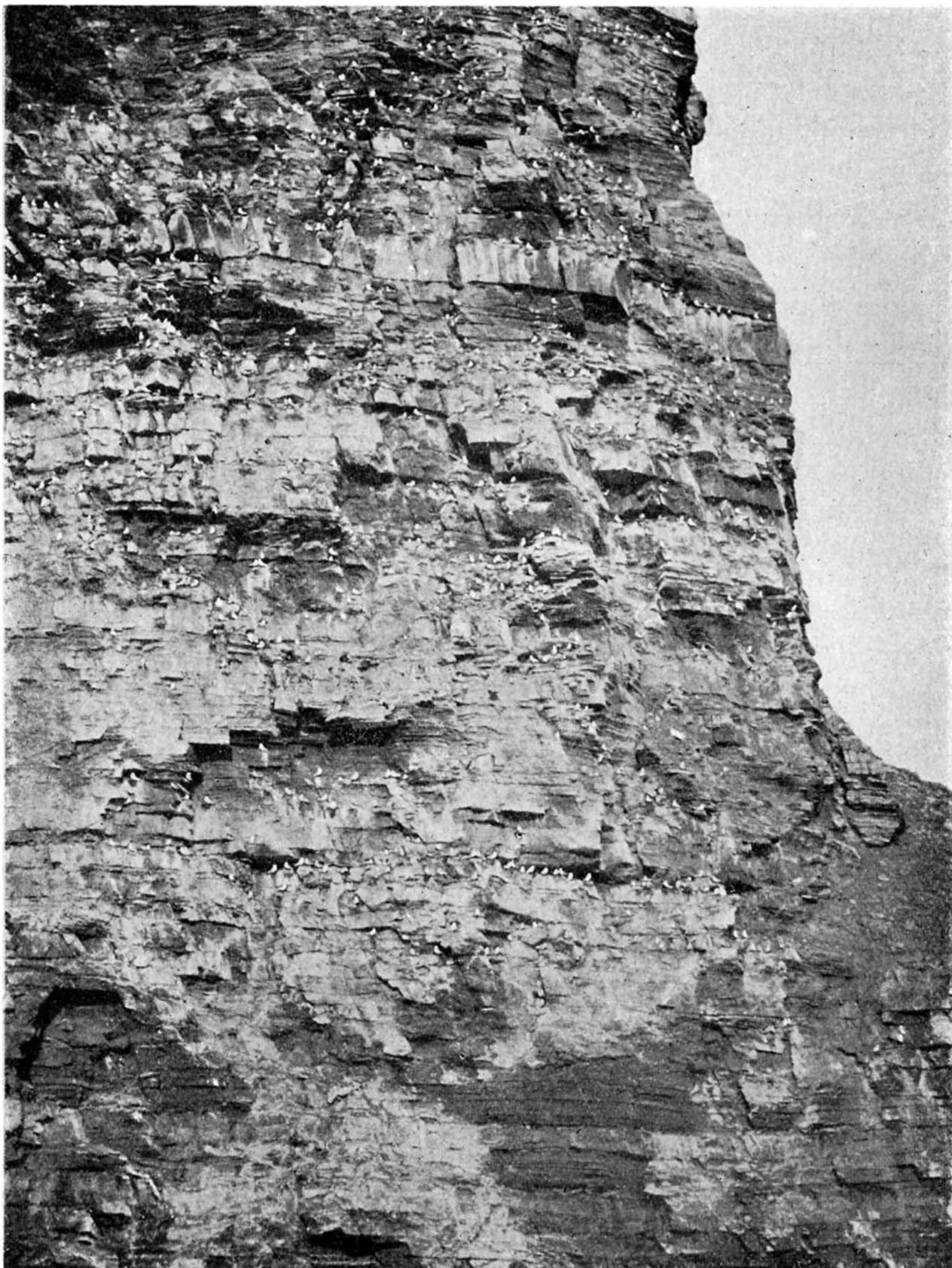
— На берегъ уехали. Сегодня ведь воскресеніе! Я тоже собираюсь отправиться въ становище; не хотите-ли и вы посмотреть Гаврилово?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Я только что хотель просить васъ объ этомъ.

Мы сговорились сейчасъ же после завтрака ехать въ становище, а после обеда — на птичьи горы или «базары», какъ ихъ здесь называютъ.

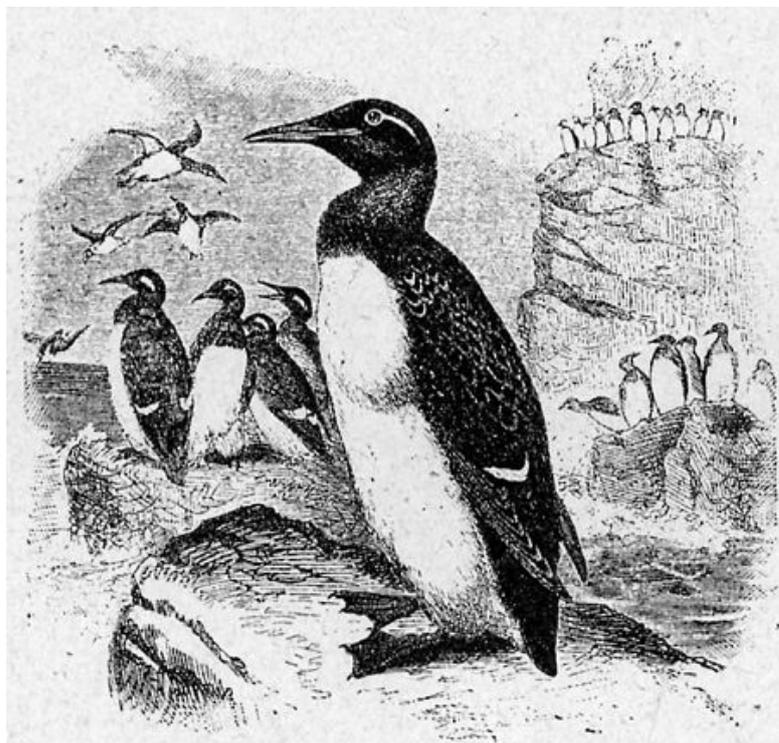
В становище, представившаяся моимъ глазамъ картина не поразила меня новизной и оригинальностью; въ общем все то же, что и въ Териберке.

После обеда, захвативъ ружья, мы поехали въ шлюпке къ птичьимъ горамъ.

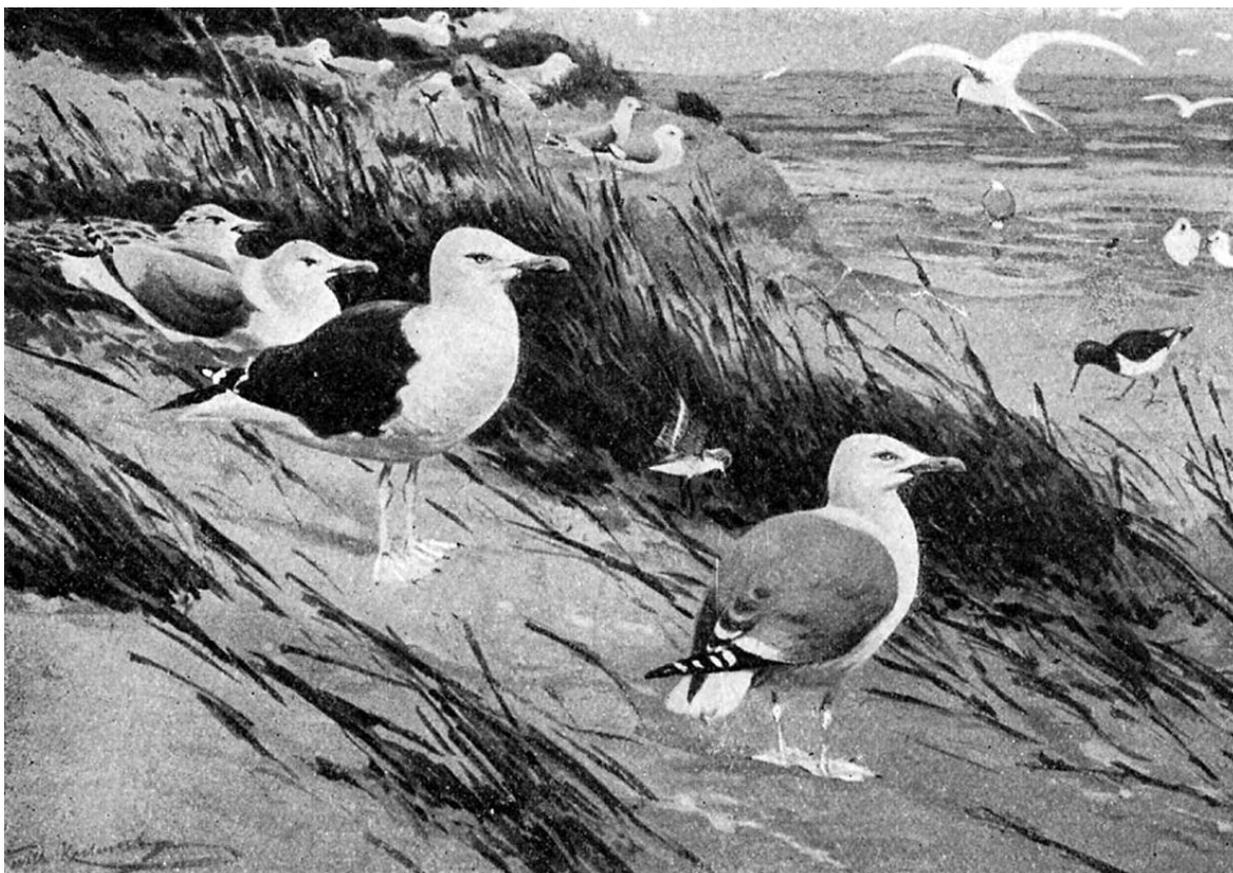
Птичій базарь на Мурмане.

У входа въ Гавриловскую губу находится несколько небольших островковъ, берега которыхъ отвесной стеной спускаются въ море. Уже издали бросался въ глаза цветъ этихъ скалъ: отъ массы сидящихъ на нихъ птицъ и отъ покрывающаго ихъ птичьяго помета оне были серыми, а не темно-бурыми, какъ другія скалы Мурмана. По мере приближенія все слышнее и слышнее становился ноющій крикъ множества чаекъ. Вотъ мы и у острова. На уступахъ отвесной скалы рядами и въ одиночку сидели кайры, выставивъ впередъ свои белыя грудки. Наше приближеніе потревожило ихъ очень мало, и оне, поворачивая свои головки съ длинными острыми клювами, какъ будто съ удивленіемъ посматривали на приближающуюся къ нимъ шлюпку. Намъ удалось подойти къ скале очень близко, но только отдельныя птицы, испуганныя нашимъ приближеніемъ, снимались съ гнездъ и улетали.

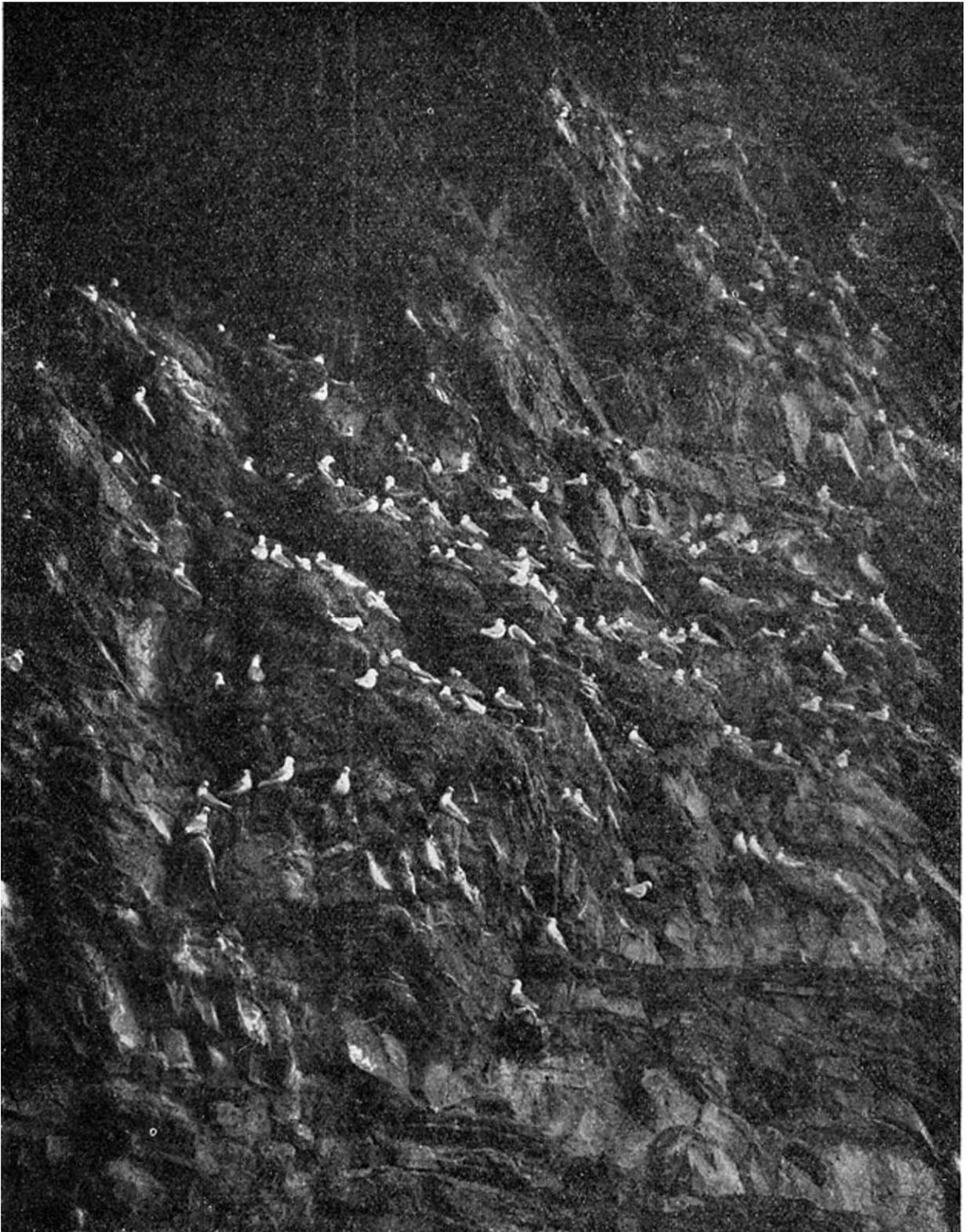

Кайры.

Объехавъ скалу, мы начали подходить къ другому базару, усеянному чайками. Какъ только последнія заметили приближающуюся шлюпку, сейчасъ же громадной стаей поднялись и стали кружиться надъ нами, положительно оглушая насъ своимъ крикомъ. Когда мы подошли ближе, Григорій Ивановичъ выстрелилъ въ воздухъ, и это еще больше всполошило чаекъ: оне заметались во все стороны, а крикъ ихъ еще больше усилился. Сколько ихъ здесь! Трудно назвать число, которымъ можно было бы обозначить ихъ количество! Надъ нами неслась положительно туча птицъ, а масса ихъ еще оставалась на скалахъ!

Чайки.

Часть птичьего базара; видны чайки.

Объехавъ острова, мы съ Григоріемъ Ивановичемъ высадились на берегъ съ темъ, чтобы пройти несколько верстъ въ глубь полуострова.

Навстречу намъ, очевидно, въ Гаврилово шли 2 человека — мужчина и женщина. Ихъ лица сразу остановили на себе мое вниманіе, такъ отличались они отъ обычнаго на Мурмане типа поморовъ. Я сразу догадался, что это лопари, и тутъ только вспомнилъ, что съ самого прибытія на северъ я живу въ Лапландіи!

— Почему это, Григорій Ивановичъ, такъ редко встречаются здесь лопари? — спросилъ я моего спутника.

— А что имъ здесь делать? Промысломъ морскимъ они не занимаются, да и для ихъ оленей здесь корму мало... Вотъ если пройти въ глубь страны, тамъ ихъ можно встретить довольно часто; около устьевъ рекъ тоже попадаются лопари; они тамъ промышляютъ семгу.

Взобравшись на высокую прибрежную скалу, я улегся на нагретомъ солнцемъ камне и началъ следить за птицами. Шлюпка ушла, и чайки успокоились. Уже не слышно было того оглушающаго крика, которымъ встретили оне насъ при нашемъ приближеніи, но не было и тишины. Надъ водою все время носились чайки и кайры, выглядывая добычу. Вотъ, красиво планируя своими крыльями, крупная чайка бросается въ воду и скоро поднимается вверхъ съ рыбой въ клюве. Какое оживленіе царило кругомъ! Океанъ, привлекающій

своимъ богатствомъ человека, темъ же самымъ привлекаетъ и птицъ.

Какъ много общаго между становищемъ и птичьимъ базаромъ! Тамъ люди, въ массе собравніеся сюда, на побережье океана, для лова рыбы, здесь птицы, тоже въ громадныхъ массахъ и ради той же рыбы! Какую массу богатствъ таятъ въ себе эти безпредельныя водныя пространства!

Глядя на отвесныя скалы птичьихъ острововъ, я понималъ и оценивалъ все преимущества ихъ для птичьяго поселка. Кто, кроме человека, нарушить ихъ покой?! Ни одинъ четвероногій хищникъ не проникнетъ къ ихъ гнездамъ, а пернатые хищники, по рассказамъ, боятся приближаться къ базарамъ, такъ какъ въ массе чайки легко даютъ отпоръ даже такимъ птицамъ, какъ орлы.

— Смотрите, Константинъ Павловичъ! Поморникъ летитъ! — сказалъ Григорій Иванович, указывая на довольно крупную птицу.

Я сталъ следить за плавно летавшей, серой птицей. Вотъ онъ быстро помчался къ чайке, только что выхватившей изъ воды довольно крупную рыбу. Заметалась бедная чайка, увидевъ своего врага, и выпустила добычу, а поморникъ, подхвативъ рыбу, спокойно полетель дальше. Такая разбойничья повадка поморника сделала то, что онъ пользуется всеобщей антипатіей на Мурмане. Григорію Ивановичу тоже, вероятно, захотелось вступить за обиженную чайку. Схвативъ ружье, онъ началъ следить за

поморникомъ. Вотъ поморникъ сель на камни, собираясь полакомиться ограбленной добычей... Вечеромъ на «Поморе» я снялъ для коллекціи кожу съ этой птицы.

Мы пошли. Скалы почти сплошь были покрыты лишаями и мхомъ; очень часто встречался ягель, которымъ питаются зимою олени. Разгребая снегъ ногами, они сами добываютъ его, такъ что лопарямъ не приходится запасать кормъ для своихъ стадъ. Это обстоятельство делаетъ оленя незаменимымъ на севере.

Кругомъ была масса цветущихъ растений. У иныхъ изъ нихъ листьевъ почти не было видно, такъ сильно были развиты цветы. И какой чудный тонкій аромат испускали они! Во всемъ этомъ нельзя было не подметить приспособленія къ жизни на крайнемъ севере. Насекомыхъ, опыляющихъ цветы, было такъ мало, что для привлеченія ихъ необходимо было чрезвычайное развитіе приспособленій, делающихъ цветы более заметными.

Здесь, какъ и на всемъ остальномъ Мурмане, деревьевъ по берегамъ не было. Когда мы отошли несколько верстъ отъ берега, начала местами попадаться низкорослая корявая береза, не выше роста человека. Эти карлики, совершенно непохожія на нашу красавицу березу, все же оживляли мрачный, однообразный ландшафтъ. Встретили мы также несколько небольшихъ, скорее кустовъ, чемъ деревьевъ, рябины.

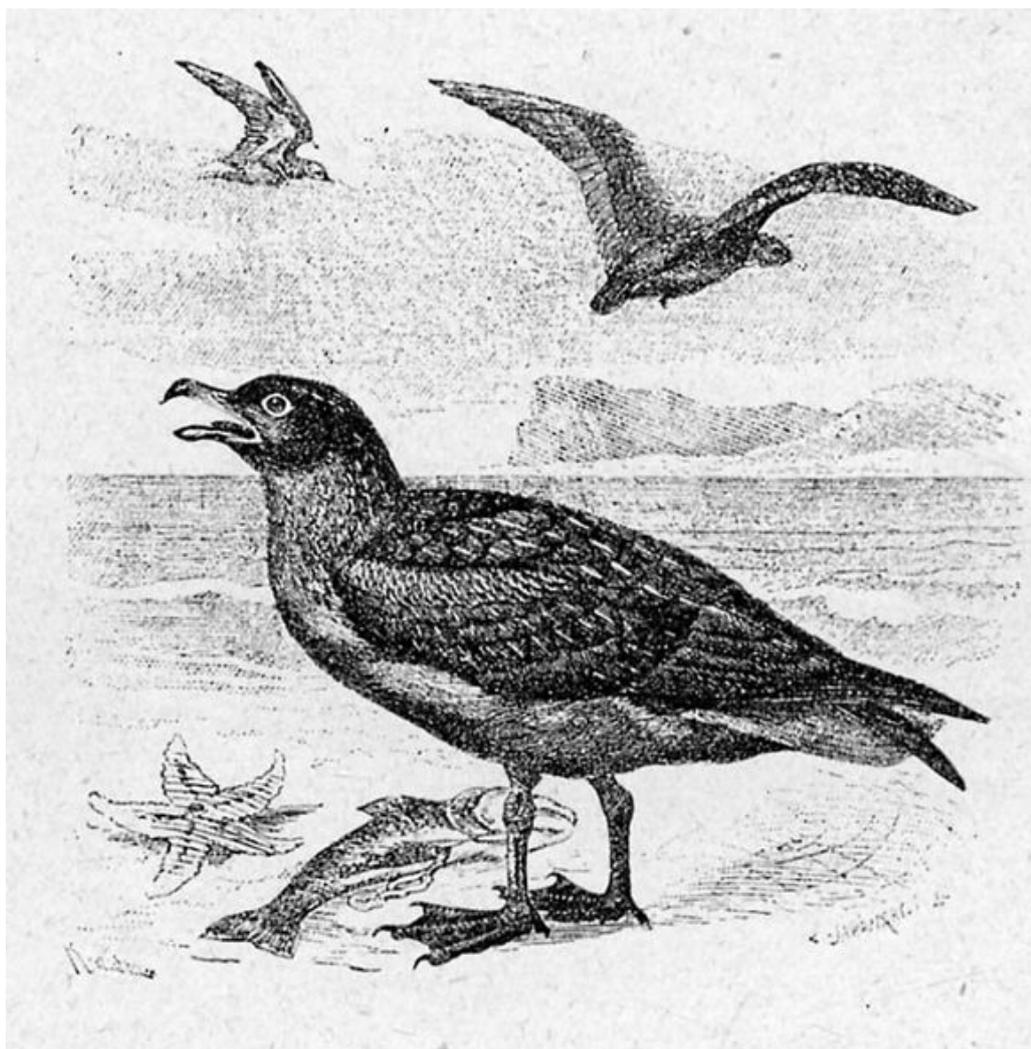

Карликовые березы на Мурмане.

По мере удаленія отъ берега все тише и тише становилось кругомъ. Скоро пересталь доноситься къ намъ шумъ прибоя, а затемъ прекратился и крикъ чаекъ. Мы все больше и больше углублялись въ пустыню, лишенную звуковъ. Даже ветеръ въ этотъ день не нарушалъ господствовавшей тишины. Не только на меня, но даже и на Григорія Ивановича, родившагося и выросшаго здесь, на севере, окружавшая насъ тишина действовала непріятно. Мы пробовали кричать, но крики наши замирали тутъ же, возле насъ. Жутко становилось при одной мысли о постоянной жизни среди такого безмолвія! И мы скорее повернули назадъ къ океану, который сосредоточиль въ себе и около себя жизнь этой страны. Какъ обрадовались мы, когда надъ нами заплакала случайно залетевшая сюда

чайка. Вотъ и берегъ! И снова предъ нами жизнь бьетъ ключемъ!

— На «Поморе»! — закричалъ Григорій Ивановичъ и затемъ свистнулъ. Насъ заметили, и скоро къ намъ направилась шлюпка.

Поморникъ.